

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА УРАЛЕ В ЭПОХУ ПЕТРА I: ПРАКТИКА НАЙМА ПО КОНТРАКТУ

Аннотация. Статья посвящена практикам найма иностранных специалистов на уральские заводы по контрактам в эпоху Петра I. Акцент сделан на источниковедческом анализе формуляра договоров с применением методов дипломатики. Проанализирована внутренняя структура актов, состав элементов формуляра, выявлены разновидности документов изучаемой совокупности источников. Привлечение дополнительных материалов делопроизводственного характера позволило сделать выводы о практике применения контрактов, динамике соблюдения и нарушения условий соглашений. Сделан общий вывод о том, что, несмотря на возникавшие трудности во время службы иноземцев по договорам, именно в эпоху Петра I были заложены основы качественной трансформации социально-правового статуса иностранных специалистов в России.

Ключевые слова. Контракт, договор, иностранные специалисты, эпоха Петра I, дипломатика.

В эпоху Петра I ключевым основанием приема на русскую службу иноземцев становится контракт. Однако в этот период представления сторон о сути и юридической силе таких правоотношений существенно различались. В понимании западноевропейцев контракт олицетворял письменно закрепленные *взаимные* права и обязательства контрагентов. Именно поэтому заключение договора являлось одним из ключевых требований иноземцев при найме на русскую службу. Но российской стороной контракт еще воспринимался в большей степени как формальность (средство «заполучить» нужного специалиста),

а по форме напоминал жалованные грамоты и содержал распорядительные элементы (а не всегда договорные). Для понимания характера отношений, устанавливаемых совокупностью документов, условно объединяемых термином «контракт», необходим источниковедческий анализ изучаемых актов с применением методов дипломатики. Исходя из мысли о том, что эволюция документа отражает эволюцию отношений, с помощью анализа формуляра и содержания договоров мы приблизимся к пониманию юридической основы и практических проявлений взаимодействия между государством и частными лицами (иностранцами) периода петровского царствования.

По классификации русских актов, разработанной С. М. Каштановым, контракты о службе иностранцев в России относятся к публично-частным актам договорного вида, возникающим в случаях, когда «частные лица вступают в какие-то отношения с публичной властью, <...> давая ей известные обязательства» [5, с. 149]. Международный словарь дипломатики, изданный Университетом Валенсии в 1997 г., определяет контракт как «синаллагматический акт, предполагающий взаимные права или обязательства двух сторон» [15, с. 23]. Такое понимание термина восходит к учению римского юриста Марка Антония Лабейона, признававшего основным критерием контракта симметричную взаимность – «синаллагматичность» [7, с. 20–59]. Синаллагматическая связь в актах, относящихся к найму иноземцев на русскую службу в эпоху Петра I, не всегда очевидна. Если брать во внимание критерий взаимности прав и обязательств и его отражение в формуляре исследуемых документов, то оказывается, что мы далеко не всегда имеем дело с полноценными *контрактами*, да и вообще с *актами*.

Уральский горнозаводской комплекс представляет в этом смысле особый интерес, поскольку его техническую элиту во многом составляли иностранные специалисты, нанятые по договорам. Всплеск государственной активности по приглашению зарубежных кадров в области горного дела приходится на период 1720-х гг., когда Берг-коллегия направила

на Урал экспедицию во главе с В. Н. Татищевым и И. Ф. Блериом, за которой последовало интенсивное строительство заводов и развитие казенного горнозаводского комплекса. Договоры с иностранными мастерами 1720-х гг., однако, нельзя отнести к начальному этапу практики контрактования. Очевидно, что они вобрали в себя опыт двух предшествующих десятилетий, когда Петром I не просто была интенсифицирована политика приглашения иностранцев на российскую службу, но и сделана общепринятой практика найма иноземцев по контрактам. Часть контрактов данного периода представляла собой продление предыдущих договоров, поскольку среди приехавших на Урал иностранцев были те, кто ранее служил на Олонецких заводах [6, с. 89–90]. Тем не менее новые соглашения представляют собой полноценные контракты, а не просто уведомительные документы о пролонгации существующих договоров.

Совокупность контрактов с иноземцами в эпоху Петра I составляют несколько разновидностей актов: договорные письма, (договорные) статьи, капитуляции, трактаты, договоры/контракты. Различия между ними состоят в нюансах внутренней формы и обстоятельствах создания. Договорные письма представляют собой обязательства нанимателя с российской стороны перед иностранцем¹. Капитуляции, напротив, «учинялись» иноземцами. Акты данной разновидности строились от лица нанимаемого специалиста и содержали его обязательства и условия, на которых он готов/согласен поступить на службу. При этом, статьи капитуляций часто формулировались в форме прошений². Например, в капитуляции монетного мастера Бекера 1710 г. сказано: «Понеже его царское величество всемилостивейше в службу свою меня Филипа Христофора Бекера его цесарского величества дворового манетного мастера из Вены на год принять изволил манетное дело по немецки заводить и манетные стемпелы резать, сего ради капитуляцию в последующих статьях учинил» [11, л. 1]. Между тем контракт

¹ Примеры договорных писем начала XVIII в. см.: [8, л. 2–5].

² См., например: [11, л. 1–10б.; 10, л. 18–18об.].

с бергмейстером Иоганном Гейденрейхом, принятым на уральские заводы в 1722 г., также назван «капитуляцией». Однако в нем очевидны черты полноценного акта: «Ведомо сим да буди, что сегодняшнего числа между меня ассесора Государственной Берг-коллегии Винцента Райзера да пред сего секретарем бывший нанятии г-на Ягана Готфрида Гейденрейха, по силе всемиловитвейше имеющаго [...] следующие капитуляция вновь заключен и договорено...» [2, л. 94]. Пункты договора содержат обязательства как бергмейстера, так и Берг-коллегии, что свидетельствует об эволюции «капитуляции» как разновидности контракта с иностранным специалистом.

Третья разновидность актов представлена контрактами /трактатами/ договорами, в диспозитивной части которых прямо указывается на установление двусторонних договорных отношений, используются такие формулировки, как: «...каким обычаем уговорились с одной стороны <...> и з другой стороны» [8, л. 4об.], «...статьи на которых <...> договорились» [9, л. 2–2об.]. В текстах таких актов перемежаются статьи, содержащие права и обязанности обоих контрагентов. С точки зрения формуляра только третья разновидность из перечисленных является в полном смысле актом, т. е. юридически закрепленными отношениями двух сторон. Договорные письма и капитуляции по замыслу подразумевают эти отношения, но по форме чаще всего представляют собой односторонние обязательства. Поэтому возникает вопрос, можно ли вообще считать их актами. Вероятно, это еще не акт, а промежуточная стадия его формирования или еще не развитый акт (по формуляру). О переходном характере таких предактов свидетельствует то, что в ряде из них сочетается общая схема документа в виде (договорного) письма или капитуляции и наличие в тексте указаний на двусторонние отношения.

При изучении формуляра контрактов обращает на себя внимание меняющийся набор элементов «условного формуляра», составляющих внутреннюю структуру документа. Следуя методологии анализа внутренней формы актов, предложен-

ной С. М. Каштановым [4, с. 26–47; 5, с. 170, 191–192], можно выявить основные элементы «условного формуляра», представленные в индивидуальных формулярах конкретных контрактов, а также сравнить договоры 1720-х гг. с первыми петровскими контрактами начала XVIII в. Первое заметное отличие заключается в отсутствии такого элемента, как *invocatio* (инвокация, «богословие»). Контракты начала века, как правило, открывались инвокацией: «Во имя Господне», «Во имя Божие» [8, л. 2, 4об.], что отсылает к традиции средневековых актов. В составе начального протокола ранних петровских контрактов такой элемент встречается довольно часто, однако уже к середине 1710-х гг. фигурирует в текстах реже, а договоры с техническими мастерами, заключенные после 1720 г., утрачивают *invocatio* и начинаются с *notificatio* (нотификация, публичное объявление). Так, первый элемент контракта с машинными мастерами Фридрихом Кондратом и Иоганном Георгом Кейзерами в 1722 г. звучит следующим образом: «Ведомо сим да будет, что» [1, л. 213].

Вообще, договор с Кейзерами демонстрирует образец контракта данного периода, причем довольно развернутого и подробного для того времени. Начальный протокол договора содержит указание на контрагентов: Государственная Берг-коллегия, с одной стороны, и «машинные мастера» Кейзеры – с другой [1, л. 213]. Выделить среди них *intitulatio* (лицо, от которого исходит документ) и *inscriptio* (адресат) не представляется возможным. В данном случае контрагенты абсолютно идентичны в своих ролях договаривающихся сторон. Хотя можно предположить, что контрагентом, от которого исходит инициатива заключения контракта, является Берг-коллегия, а следовательно, адресатами – иностранные специалисты. Примечательно, что с точки зрения формуляра анализируемый контракт являет собой пример вполне сформировавшегося акта.

Возвращаясь к элементам формуляра контракта первой четверти XVIII в., следует отметить, что в «основную часть» (по терминологии С. М. Каштанова или «текст» – в западной

дипломатике) [5, с. 170], как правило, входили *dispositio* (диспозиция, распоряжения по существу) и *sanctio* (запрещение нарушения документа) [5, с. 170]. Диспозиция содержит собственно условия договора. Среди них можно выделить следующие тематические группы: о характере установленных отношений, чине и должностных обязанностях, обучении русских учеников, жаловании, обеспечении казенной квартирой и дровами, путевых издержках, работниках, инструментах, дополнительных работах и торговле, обеспечении семейства, свободе вероисповедания, освобождении от податей и повинностей, отпуске из России. Такая содержательная основа сохранялась до конца XVIII в. Следует также отметить, что не все составные элементы условного формуляра регулярно встречаются в контрактах с иностранцами, в частности, *sanctio* («запрещение нарушения документа») еще недостаточно разработан. Относящиеся к санкции статьи могут быть классифицированы как *clauses réservatives*, что в западной дипломатике означает «объявление неподвижности закрепленных прав»¹. Элемент *sanctio* в XVIII в. обычно сводился к обязательству ненарушения договора, не предусматривая условий досрочного расторжения или наказаний за ненадлежащее исполнение: «Сей договор долженствует во всех пунктах накрепко содержать» [1, л. 214].

Важно подчеркнуть, что формуляр и содержание договоров петровского времени свидетельствуют об использовании опыта XVII столетия, однако массовый характер вербовок обусловил переход от «штучных» и детально проработанных текстов (характерных для практики второй половины XVII в.) к упрощенным и менее развернутым документам. Тем не менее преемственность прослеживалась в совокупности условий, оговариваемых в контрактах. Очевидно, что при составлении «договорных пунктов» конца XVII – начала XVIII в. большое внимание уделялось требованиям самих иностранцев (ранее

¹ Подробнее о классификации статей *sanctio* и элементах условного формуляра (как наиболее общей схемы построения документа) в целом см.: [5, с. 169–173, 188–189].

не всегда удовлетворявшихся русскими властями). Не менее важную роль играли царские агенты за рубежом (как российские посланники, так и иноземцы – особенно купцы, выступавшие посредниками) в силу их осведомленности о потребностях иностранцев и традициях договорных отношений в Западной Европе.

Наглядные примеры, демонстрирующие характер отношения государства к личности иноземца в эпоху Петра I, дает обращение не только к текстам контрактов, но и к другим источникам (делопроизводственным материалам, судебно-следственной документации). Речь идет об исследовании «динамики» контрактов, т.е. их реального исполнения (или нарушения). Так, известный горный деятель Иоганн Фридрих Блиер, внесший большой вклад в развитие уральского горнозаводского комплекса на начальном этапе его формирования, не раз оказывался в затруднительных ситуациях ввиду ненадлежащей выдачи ему предусмотренного контрактом жалования и различных денежных компенсаций. По поводу одного из таких случаев он подал донесение в Сенат в 1712 г. И. Блиер сообщал, что в 1701 г. по царскому повелению он был послан в Саксонию для найма горных мастеров. Эта миссия ему удалась, с приглашенными специалистами заключили контракты, а самому Блиеру поручалось исполнять «бергмейстерское дело», за что устанавливалась прибавка к жалованию в размере 150 ефимков на год. Однако вплоть до 1712 г. все, что «прибавлено, то [было – Е. О.] удержано безвинно» [12, л. 43], – сетовал иностранец. Тогда И. Блиер, будучи в Петербурге, бил челом государю о своем прибавочном жаловании и получил уверение в том, что в Сенат направлен соответствующий именной указ. Сенат же повелел бергмейстеру ехать в Москву и «дачею жалованья обнадежил» [12, л. 43]. Но, как свидетельствовал И. Блиер, и в Москве положенных денег ему не выдали, а получил он лишь указание царского величества ехать в Сибирь для осмотра рудных мест. Иноземец жаловался на крайнюю «скудость за неприятием жалования», вследствие чего он «одолжал велми», а также волновался о сво-

ей дальнейшей участи, подчеркивая, что «прежний беркмейстер и горные люди за удержанием жалования скитаясь меж двор с голоду померли и в том опасении надлежало бы мне ехать во свое отечество яко есть свободен, по контракту урочные годы выжил» [12, л. 43]. Тем не менее Иоганн Блиер не желал оставлять службу в России и просил выдать ему деньги для поездки в Сибирь. При последующем разборе дела Сенатом оказалось, что и другие иностранные мастера из команды И. Блиера не получили жалования по своим договорам [12, л. 46]. Например, в донесении горного мастера Иоганна Гана значилось: «А для чего за вышеписанные заслуженные годы Его Царского Величества жалованья ему не дано, и на Москве он удержан, и к делу никуда был не послан, и в свою Саксонскую землю не отпущен, того он не ведает» [12, л. 52об.]. Выяснилось также, что в именном указе от 24 октября 1701 г., предписывавшем выдавать установленное «вывозным листом» жалование саксонским мастерам, про прибавочные 150 ефимков, положенных И. Блиеру, ничего не говорилось. Эти деньги так и не были специально выплачены бергмейстеру. В протоколе Сената лишь значилось, что впоследствии в зачет прибавочного жалования И. Блиеру записали 200 рублей, выданные ему для поездки в Сибирскую губернию [12, л. 50–51об.].

Другой случай показывает, что, стремясь избавить своего помощника И. Гана от «оскудения», И. Блиер самостоятельно выдал ему жалование за 1717–1718 гг., поскольку выплаты команде из казны закончились еще в 1716 г., в результате чего и образовались немалые долги как у самого И. Блиера, так и у его мастеров. Издержки иноземца были в итоге компенсированы казной, но лишь частично [12, л. 41–41об.]. В целом из донесений И. Блиера видно, что в силу характера его деятельности он часто пребывал в различных, весьма дальних поездках, финансовое обеспечение которых оставляло желать лучшего. Горному офицеру приходилось самостоятельно разрешать возникавшие в связи с этим трудности. Дело осложнялось тем, что оплата производилась всякий раз из разных ведомств.

Надо сказать, что И. Блиер довольно терпеливо сносил подобные тяготы, в отличие от известного вздорным характером бергмейстера Иоганна Готфрида Гейденрейха, служившего на горных заводах в 1720-е гг. И. Гейденрейх активно отстаивал свои права, апеллируя к контракту. История бергмейстера ярко иллюстрирует конфликт правосознаний сторон контракта и особенности отношения государства к личности иностранца в эпоху Петра I и до начала 1730-х гг. Контракт с бергмейстером И. Гейденрейхом о службе в России был заключен в декабре 1722 г. в Гамбурге. Однако, подписывая договор, стороны не определили срок его действия. Это обстоятельство впоследствии серьезно осложнило положение иностранца. Иоганн Гейденрейх в 1727 г., проработав на российских заводах уже более четырех лет, подал прошение об увольнении со службы и отъезде «во отечество». Но осуществить свое желание бергмейстеру не удалось. Согласно последовавшему императорскому указу, И. Гейденрейх должен был отправиться на Нерчинский сереброплавильный завод для осмотра руд. С таким решением иностранец категорически не согласился. Следует отметить, что вопрос с поездкой бергмейстера в Нерчинск поднимался еще в 1725 г. Тогда начальник уральских горных заводов генерал-майор В. Геннин, следуя указу Берг-коллегии, приказал И. Гейденрейху ехать в Нерчинск, поскольку «он к серебряным рудам искусен». Однако бергмейстер объявил, что он не поедет, потому что он «не в такой силе служит, чтоб по земле бегать» [2, л. 56; 3, л. 137]. Двумя годами позже это дело приняло более серьезный оборот. И. Гейденрейх заявлял, что по условиям контракта не обязан туда ехать, и без подписания нового договора, а также без собственных маркшейдерских инструментов на те заводы не поедет. Но в 1728 г. иноземец все же был отправлен в Нерчинск силой. Кроме того, бергмейстер в течение года оставался без положенного жалования и требовал за это компенсаций, на что получил весьма показательный ответ Берг-коллегии, в котором говорилось, что в Рос-

сии служит немало иностранцев, и многим из них жалование в срок не выдается [2, л. 92–93; 14, л. 10–10об., 79–83об.].

В начале 1731 г. Иоганн Гейденрейх, по свидетельствам Сибирского обер-бергамта, «непрестанно требовал себе скорого отпуска во отечество» [14, л. 10–10об., 79–83об.]. При этом он не отступал в борьбе за собственные права, запрашивая различных компенсаций. Во-первых, он требовал проценты (ростовые деньги) за то, что не всегда вовремя получал жалованье. Во-вторых, И. Гейденрейх требовал акциденций. Он утверждал, что в Германии бергмейстерские акциденции гораздо выше самого жалованья, и считал, что ему полагается в год по 500 рублей дополнительных доходов, что было эквивалентно размеру окладного жалованья. Но и это требование иностранца не было удовлетворено. Берг-коллегия отвечала, что такие акциденции И. Гейденрейх мог сам заработать при случае, выполняя помимо основной службы какую-либо работу или давая консультации на частных заводах, но от казны подобные выплаты не полагается получать [13, л. 80]. В-третьих, иностранец просил Берг-коллегию о «справедливой сатисфакции за учиненные ему в Екатеринбурге ругательства», имея в виду конфликты, в частности, с В. Генниным, о чем было приказано провести разбирательство. Некоторые просьбы И. Гейденрейха все же были исполнены. Они касались его отъезда из России. Предписывалось отпустить иностранца на родину без промедления, выдав ему положенные прогонные деньги. Также не осталась без внимания просьба И. Гейденрейха о награждении его «за трудные поездки, которые он вопреки службы своей в России имел и почти от всего своего стал быть лишен и в немалые долги впал». Обращаясь с этим вопросом, бергмейстер вновь ссылается на контракт, в восьмом пункте которого прописано, что в случае достойной и полезной службы он будет повышен в чине. Перед отправлением на родину Иоганн Гейденрейх получил чин обер-бергмейстера [13, л. 82об.].

Договорные отношения упростили процедуру приезда иноземцев в Россию и дали определенные гарантии (или

иллюзии их наличия) зарубежным специалистам. Развитие практик контрактования происходило на фоне законодательного расширения прав и привилегий иностранных подданных. Постепенно преодолевались преграды, существенно ограничивавшие свободу и мобильность иноземцев в предшествующий период. Несмотря на то, что в реальности иноземцы регулярно сталкивались с нарушениями договоров со стороны царского правительства, именно в эпоху Петра I были заложены основы качественной трансформации социально-правового статуса иностранных специалистов в России.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 10.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193.
4. *Каиштанов, С. М.* Очерки русской дипломатики. – М.: Наука, 1970. – 502 с.
5. *Каиштанов, С. М.* Русская дипломатика. – М.: Высшая школа, 1988. – 231 с.
6. *Кортинна, С. Б., Наймушин, А. В., Черноухов, А. В.* Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 3. – Екатеринбург, 2003. – С. 88–99.
7. *Новицкая, А. А.* Учение о синаллагматическом договоре в римском праве. Контракт Лабеона // Вестник гражданского права. – 2013. – № 2. Т. 13. – С. 20–59.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 12.
9. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 20.
10. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1704 г. Д. 13.
11. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1710 г. Д. 7.
12. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 13.
13. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1.
14. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 180.
15. *Vocabulaire international de la diplomatie / Mª Milagros Càrcel Orti*, ed. València: Universitat de València, 1997. P. 310 p.